

У каждой из девушек, сумевших закрепиться в Башне Весенней реки, были свои достоинства, но далеко не все обладали ярким талантом к музыке и танцам.

Атмосфера в Здании Музыкальной мастерской накалилась до предела. Наставница танцев, сжимающая в руке тонкую бамбуковую линейку, презрительно фыркнула:

— Кое-кто просто рождён ползать. Уж как я её ни учила, как ни направляла — всё без толку, в голове ветер. И после этого во всём винят наставницу?

Она высокомерно посмотрела на сидевшую внизу девушку, которая подпирала щеку ладонью, лениво развалившись за столом:

— Раз уж госпожа Сюэсу так рвётся поучать других... Минцзя, на Празднике прогулочных лодок будешь выступать под её началом. Вот у неё всему и учись. Посмотрим, какой шедевр сотворит наша многоуважаемая Сюэсу.

С этими словами наставница язвительно усмехнулась, одарила испуганную Минцзя ледяным взглядом и стремительно вышла, сердито шурша шелками.

Минцзя, готовая расплакаться, растерянно замерла. Она сделала пару шагов вслед за разгневанной наставницей, но тут же нерешительно остановилась.

Сы Вэй, заглянувший в зал как раз в разгар этой сцены, мысленно присвистнул.

"Ну и страсти тут кипят с самого утра..."

В просторном Здании Музыкальной мастерской почти никого не было. Помимо ушедшей наставницы, здесь оставались лишь растерянная Минцзя на сцене, Чуян, сидевшая на стуле задом наперёд и уложившая подбородок на деревянную спинку, да Сюэсу — та лениво подпирала голову рукой, а позади неё покорно застыла личная служанка.

Из-за раннего часа все собравшиеся, кроме взвинченной Минцзя, выглядели сонными и вялыми.

Сюэсу зевнула и поманила Минцзя пальцем:

— Ладно тебе, спускайся. Твоя главная беда — полное отсутствие основы. И дело даже не в чувстве ритма. Танцам ведь учатся с малых лет: растяжка, шпагаты, осанка, сила мышц, умение владеть телом... И так изо дня в день, годами, пока движения не станут естественными, как дыхание. А пытаться освоить всё наскоро прямо перед выступлением... Без редчайшего,

самородного дара это пустая трата сил. Только намучаешься зря.

Минцзя утерла выступившие слёзы, шумно шмыгнула носом и спустилась со сцены. Она уныло опустилась на свободный стул и тихо произнесла:

— Знаю, сама виновата... Все силы ушли на подготовку к Банкету в канун Нового года. А танец, который дала наставница, и без того невероятно сложный. Стоит мне смешать обе партии, как я тут же начинаю путаться. Вот и забросила репетиции... Теперь Праздник прогулочных лодок на носу, а я до сих пор путаю движения.

Сюэсу, которая была постарше, снисходительно хмыкнула и потрепала её по макушке:

— Да ладно тебе убиваться. Талантом тебя природа не наградила, а эта старая ведьма умышленно усложнила рисунок танца до предела. Чистой воды издевательство! А ты и рада верить, овечка безответная.

Сюэсу легонько приподняла пальцами подбородок плачущей девушки и развернула её лицом к вошедшему Сы Вэю:

— Ты лучше погляди, кто к нам пожаловал. Матушка Фэн ясно дала понять, что все выступления на празднике теперь решает эта девчонка. Так что вместо того, чтобы покорно сносить козни злой наставницы, тебе стоило бы задобрить нашего нового распорядителя. В её-то годы... Думаю, пары кулёчков со сладостями хватит с лихвой, чтобы она растаяла.

Сы Вэй, как раз снимавший с плеч тяжёлый узел с вещами, замер у ближайшего к сцене стола.

"Она ведь прекрасно понимает, что в этом пустом зале каждое её слово разносится гулким эхом и я всё слышу?"

Не удостоив шпильку Сюэсу вниманием, Сы Вэй молча опустился на стул у их стола и принялся пристально разглядывать лицо Минцзя.

Её красота была удивительно мягкой, утончённой, но по-настоящему редким достоинством Минцзя являлось безупречное строение лицевых костей.

Сы Вэй как профессиональный фотограф прекрасно знал особенности азиатских лиц. Обычно у большинства людей область от крыльев носа до скул имеет плоскую или даже слегка вогнутую форму. Из-за этого скулы нередко кажутся излишне высокими, а носогубные складки — глубокими, что придаёт лицу суровое, усталое или высокомерное выражение, визуально добавляя возраст. В своей прошлой практике ему то и дело приходилось маскировать эти изъяны с помощью сложного макияжа, особого выставления света или кропотливой ретуши на постобработке.

Но у Минцзя костная структура лица была идеальной. В современном мире её назвали бы обладательницей безупречной кинематографичной внешности.

Правильные пропорции черепа сочетались с плавными очертаниями скул и объёмным основанием носа, что создавало мягкий, изящный рельеф. Черты лица казались гармоничными и завершёнными; летящие брови плавной дугой очерчивали миндалевидные глаза с чуть приподнятыми внешними уголками. Эта мягкость линий придавала её облику неповторимое благородство.

Особое очарование таилось в её взгляде — чистом, бездонном, словно она смотрела собеседнику в самую душу.

Сы Вэй мысленно вздохнул. В его прежнем мире такая девушка мгновенно стала бы иконой утончённой, холодной красоты. Даже сейчас, с покрасневшими от недавних слёз веками, она не теряла своего очарования — напротив, эта мимолётная хрупкость лишь смягчала её природную отстранённость, рождая непреодолимое желание защитить её.

Он не знал, как держалась Минцзя до его прихода. Пока Сы Вэй размышлял, их взгляды встретились.

Девушка замялась на секунду, а затем выудила откуда-то из складок рукава маленькую конфету и протянула её на ладони:

— Держи. Это тебе.

Сы Вэй мгновение смотрел на янтарный леденец размером с ноготь на её ладони, молча принял угощение и тихо попросил:

— Покажи мне тот танец. Сможешь повторить его прямо сейчас?

Минцзя робко покосилась на сонную Сюэсу, затем — на молчаливую Чуян, которая тем временем пододвинула свой стул поближе. Девушка не решилась возразить и послушно поднялась на деревянные подмостки сцены.

Ранним утром в зале стояла гулкая тишина. Без музыки и ритмичных ударов барабанов движения Минцзя казались ещё более рваными и хаотичными.

Даже Сы Вэй, будучи полным профаном в хореографии, за время общения с искусной Цзиньли успел натренировать глаз и сразу заметил изъяны.

Ни пластики, ни такта, ни изящества. Переходы между фигурами давались ей с трудом, а в сложных связках она и вовсе откровенно суетилась.

Это напоминало не танец, а неуклюжую утреннюю разминку: угловатые взмахи руками, тяжёлые шаги, зажатые плечи. Но если в простой разминке есть чёткий ритм, здесь царил полнейший сумбур.

Порой Минцзя и вовсе походила на одержимую шаманку, исполняющую дикий, угловатый ритуал изгнания духов.

Сы Вэй обречённо промолчал.

Закончив выступление, расстроенная Минцзя сошла со сцены и виновато опустила голову:

— Я... я правда не ленилась. Репетировала каждый день до изнеможения, но всё равно...

— Вот видишь, выше головы не прыгнешь, — Сюэсу лениво потянулась, не сводя с него полусонного взгляда. — Когда нет базы, за пару седмиц упущенное за годы не наверстаешь. Ну что, малышка, какие будут предложения?

Сы Вэй долго и сосредоточенно всматривался в расстроенную Минцзя, прокручивая в голове один план за другим. Девушка под его пристальным вниманием заерзала на стуле, и лишь тогда он наконец нарушил молчание:

— Послушай, ведь воспитанниц в таких заведениях обучают не только танцам. Если с хореографией не ладится, может, у тебя есть другие таланты? Что ты умеешь делать по-настоящему хорошо?

Минцзя задумалась, но после долгого молчания лишь обречённо покачала головой.

— Откуда взяться базе? — подала голос Сюэсу. — Будь она из наших старожилок, даже при полной лени за столько лет хоть чему-то да научилась бы. А она ведь в нашей башне без году неделя — едва ли год наберётся.

Сюэсу насмешливо фыркнула, сняла с маленькой жаровни дымящийся чайник и налила себе горячей воды, чтобы согреть пальцы:

— Год — разве это срок для обучения искусству?

Минцзя прикусила губу и едва слышно пробормотала:

— Если говорить о том, что я действительно умею... Я смыслю в изготовлении кистей для письма. И каллиграфией владею неплохо. Могу писать любым из известных стилей.

Сы Вэй удивлённо приподнял брови:

— Ты умеешь делать кисти?

— Да, — кивнула Минцзя. — Моя семья из поколения в поколение занималась изготовлением кистей. Дедушка был известным на всю округу мастером. Он страстно любил каллиграфию и с малых лет учил меня этому искусству. Со временем мы собрали богатую коллекцию оттисков с древних каменных стел, и я освоила разные стили письма. Лишу, синшу, кайшу, цаошу, уставной и полууставной, стили мастеров Оуяна, Суна, Чжао... Всем этим я владею. Одно время каллиграфия даже помогала мне зарабатывать на кусок хлеба.

Сы Вэй был поражён до глубины души.

"С таким талантом она могла бы учить грамоте благородных девиц, а не пропадать в этой обители порока..."

— Но как ты оказалась здесь? Судя по твоим словам, бедность вашей семье точно не грозила.

Взгляд Минцзя угас, она скорбно опустила ресницы:

— Отец оказался заядлым игроком. Когда дедушки не стало, дела пошли прахом, долги росли как снежный ком. В конце концов кредиторы забрали меня за долги и продали в Башню Весенней реки.

Сухой стук пальцев по дереву прервал её признание. Сюэсу плотнее закуталась в пушистую кроличью шубку и насмешливо посмотрела на Сы Вэя:

— Семейные драмы обсудите как-нибудь потом. Малышка, раз уж ты взяла у Чуньян аванс и вызвалась обустроить наше выступление на празднике, изволь предложить выход. Каков твой план?

Участие Сюэсу, Чуян и Минцзя в Празднике прогулочных лодок было решено хозяйкой заведения с самого начала. И пусть Сы Вэй отвечал за постановку номеров, отстранить Минцзя от выступления он не мог — не имел на то власти.

В конце концов, все они были лишь подневольными людьми, и каждый чётко понимал границы дозволенного.

Сы Вэй ненадолго задумался, а затем перевёл взгляд на каллиграфистку и задал совершенно неожиданный вопрос:

— Скажи, какую самую большую кисть тебе доводилось держать в руках? И если делать её на

заказ по твоим чертежам, сколько времени это займёт?

Девушка растерялась, не понимая, к чему он клонит, но всё же ответила:

— Самая крупная... Пожалуй, большая кисть-тидоу, которой пишут вывески и транспаранты.

Сы Вэй покачал головой:

— Маловата будет.

Минцзя удивлённо округлила глаза.

Юноша принялся увлечённо жестикулировать, объясняя на пальцах:

— Существует особое орудие письма — напольная кисть. Ею пишут прямо на каменных плитах мостовой, размашисто, во весь рост. Длина её рукояти — с человеческую руку, не меньше. Если пропитать её тушью, можно наносить иероглифы прямо на тончайшие шелковые ширмы. Одно движение, лёгкий росчерк в воздухе — и на ткани расцветает надпись, без единой лишней кляксы или подтёка.

Он посмотрел Минцзя прямо в глаза, и его лицо стало предельно серьёзным:

— Если твоё мастерство действительно так высоко, как ты говоришь, и ты сможешь изготовить такую кисть... Я обещаю тебе: на Празднике прогулочных лодок у тебя будет зрелище, равного которому этот город ещё не видел.

— Ты не шутишь?

Изумлённые голоса Сюэсу и Минцзя слились в один.

Даже полусонная Чуян, до этого безучастно лежавшая на спинке стула, удивлённо вскинула голову и уставилась на Сы Вэй.

<http://bllate.org/book/18280/1768245>